

0- 794875

На правах рукописи

ФИЛИППОВ АЛЕКСЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ

**ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО РЕЛИГИОЗНО-
ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ**

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Специальность 09.00.03 – история философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

**Москва
2012**

Работа выполнена на кафедре философии факультета социологии, экономики
и права ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный
университет»

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000807402

Научный руководитель:

кандидат философских наук, доцент
РЯБОВ Петр Владимирович

Официальные оппоненты:

МАРЕЕВА Елена Валентиновна,
доктор философских наук, профессор,
Московская международная высшая школа бизнеса "МИРБИС",
заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин

СОЛОДУХИН Денис Витальевич
кандидат философских наук, доцент,
Московский государственный университет
тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова (МИТХТ),
доцент кафедры философии

Ведущая организация: Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова, Институт переподготовки и повышения квалификации
преподавателей гуманитарных и социальных наук

Защита состоится «21» мая 2012 г. в 12 часов на
заседании диссертационного совета Д 212.154.06 при Московском
педагогическом государственном университете по адресу: 119571, г. Москва,
пр-т. Вернадского, д. 88, ауд. 818.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского
педагогического государственного университета по адресу: 119992, г.
Москва, ул. М. Пироговская, д. 1.

Автореферат разослан «11» апреля 2012г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

С.В. Кузнецова

I. Общая характеристика

Актуальность темы исследования.

История как сфера национальной рефлексии и самоидентификации народа неизменно привлекала внимание философов. Тема зарождения древнерусской философии вообще, и философии истории в частности, проблема их самобытности постоянно волновала отечественных исследователей из разных научных областей. Источник национальной философской мысли разные ученые искали в разных эпохах, и понимался каждым по-своему. По этому поводу написаны сотни работ, но, как правило, в них присутствует лишь одна исследовательская доминанта конкретной научной сферы.

Назрела необходимость к применению нового исследовательского подхода для выявления особенностей древнерусского религиозного исторического сознания и способам его репрезентации. Необходимо выявить не только рецепции различных историсософских идей мифического, раннехристианского (апологетического), патристического, византийского и некоторых других типов сознания и их влияние на формирование древнерусского религиозного исторического сознания, но и проявление особенностей этого сознания через различные репрезентанты, их единство и взаимосвязь. В частности, тема пространства и времени и их преломление менталитетом разных культурно-исторических эпох в различных регионах всегда была актуальна.

Новый взгляд на многие устоявшиеся стереотипные представления позволит яснее и понятнее проследить степень и глубину влияния внешних факторов на формирование древнерусского самосознания, увидеть конкретные механизмы их взаимодействия, артикулировать ранее малозаметные черты и наполнить привычные термины новым философским содержанием. Совершенно необходимо произвести комплексный, междисциплинарный характер, сочетая в себе исследовательские данные по истории, религиоведению, текстологии, лингвистике, богословию, психологии, с философской исследовательской доминантой, которая будет интегрировать и опосредовать все остальные.

Поскольку мы исследуем историческое самосознание древнерусских книжников, прослеживаем рецепцию определенных библейских, античных и раннехристианских идей и их влияние на его формирование, то совершенно естественно, что все они, имея мощный религиозный пласт, взаимодействуя с местным ментальным типом, порождают сложную мировоззренческую структуру, поддерживаемую древнерусским историческим сознанием. Это сознание, в свою очередь, оказывает влияние на общую структуру древнерусского религиозного сознания, и также ощущает на себе его воздействие, будучи его органичной частью. Именно благодаря этому мы возьмем на себя смелость говорить о единстве двух типов сознания в нераздельном религиозно-историческом сознании, в том случае, когда мы

специально берем за доминанту исследование его исторической составляющей.

Древнерусский книжник, несомненно, вышел из народной среды, и даже получив определенное образование, принес с собой в бессознательном виде ряд идей мифологического характера. Однако степень их влияния на ту картину мира, которая предстает перед нами в письменных текстах различна, а для летописного текста, который преимущественно является главным источником для исследования, достаточно невелика. Мы изучаем «элитарное» сознание образованного древнерусского «интеллектуала», при всей условности и неоднозначности этих понятий применительно к изучаемому периоду.

Хронологические рамки работы несколько условны, и их можно обозначить XI-XIV веками, так как именно в этот период происходило формирование того типа сознания, который мы обозначили как древнерусское религиозно-историческое сознание.

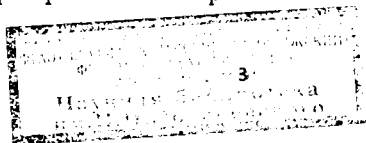
Степень разработанности проблемы. Исследования древнерусского исторического сознания, как правило, носили узкоспециальный характер и не имели комплексного измерения. Зарубежные авторы, такие как А. Д. Дродж (A. J. Droge), А. Момильяно (A. Momigliano), Г.В. Тромф (G. W. Trompf), Т.Д. Бёрнс (T.D. Barnes), Б. Рэм (B.Ramm), Д. Рокич (D. Rokeach) и ряд других преимущественно уделяли внимание античности, иудаизму, эпохе раннего христианства, западноевропейскому средневековью и Византии. Поскольку работа носит междисциплинарный характер, для своих теоретических построений нами были использованы работы:

- историков И. Н. Данилевского, В. М. Истрина, О.В. Творогова, М. А. Барга, которые исследовали ряд вопросов, касающихся круга чтения древнерусского летописца, достоверности источников, степени внешних влияний, широты кругозора книжников Древней Руси и особенностей их мировоззрения, затрагивали проблемы методологии;

- религиоведов и культурологов М. Элиаде, С.С. Аверинцева, А.М. Лидова, Ю.М. Лотмана, А.Я. Гуревича, В.В. Бычкова, которые выявили особенности мифологического и религиозного типов сознания, исследовали их семантико-семиотические формы репрезентации и коммуникационные возможности, рассматривали степень влияния антропологического фактора;

- философов А.Ф. Лосева, М. Фуко, М.М. Бахтина, Г.-Г. Гадамера, Э. Бетти, которые рассматривали с философских позиций особенности восприятия категорий времени, пространства и истории, изучали различные типы сознания и их отражения в тексте, разрабатывали различные гносеологические методы;

- историков-методологов Р. Дж. Коллингвуда, И.М. Савельевой, А.В. Полетаева, Л.П. Репиной, Ф.Р. Анкерсмита, которые занимались теоретическими вопросами осмысления исторического процесса, образов времени и пространства в различных культурах, разрабатывали

методологические приемы для изучения различных аспектов исторической действительности;

- лингвистов и филологов Д.С. Лихачева, А.М. Камчатнова и др., которые изучали феномены древнерусского религиозного и исторического сознания через языковые особенности и историю текста, исследовали поэтику древнерусских произведений;

- богословов Н.Н. Глубоковского, П. А. Флоренского, Л.А. Успенского, которые изучали целый комплекс проблем, связанных с библейской экзегетикой, религиозным восприятием мира и его отражением в культуре и искусстве, и многих других.

В современной философской науке, осмысляющей историю, особое внимание уделяется связи исторического процесса с кризисом идентичности человека и социальной памятью. Постмодерн принес массу новых терминов и понятий, заставил по-новому взглянуть на старые вещи, и во многом произвел деконструкцию привычных методов и подходов. Связь многих постмодернистов, таких как Р. Барт, М. Фуко, Ж. Делез, П. Рикер с герменевтической традицией во многом определила и круг проблем, и пути их решения. Новым значением наполняются понятия «исторический факт» и «историческое событие», рассматривая со-бытийность прошлого настоящему, приобретая онтологическое, а не чисто гносеологическое измерение. Встает вопрос о времени историка как о субъективном переживании темпоральности, так и о той объективной среде как ментально-цивилизационном фоне, которая опосредует собою исследовательские программы.

При переходе от макро- к микроистории особое значение в философии истории приобретает понятие «казуса», сопряженное с самоидентификацией человека в конкретном социокультурном пространстве с учетом различных стечений обстоятельств. Формируется философское понимание особых «мест памяти», то есть таких исторических промежутков, которые напрямую не связаны с точной хронологией, являются переходным понятием между историческим фактом и историческим событием. «Места памяти», по мысли П. Хаттона, связаны с воспоминанием в прошлом того, что актуально для сегодняшнего дня, причем массовое сознание нуждается в неких парадигмальных образах-событиях. При этом профессиональное философское сознание постоянно демистифицирует историю и, при открытии новых фактов, деконструирует «места памяти». А. Мегилл предупреждает, что нельзя смешивать историю и память, и показывает, что история используется идеологией, коллективной памятью (в виде устойчивых исторических мифов), помогает в нахождении идентичности обществу, государству или конкретному человеку, но сама по себе всего этого не порождает, а лишь используется ими. Как только в обществе начинается кризис идентичности, сразу возрастает ценность коллективной исторической памяти.

Большое внимание в философском осмыслении истории уделяется так называемым «режимам историчности» - то есть особенностям восприятия исторического времени разными субъектами истории (как индивидуальными, так и групповыми) в разные времена. Разделяется традиционная и историческая память, или память как воспоминание и память как повторение. В современной пост-постмодернистской философии истории исследуются уже не столько сами факты истории, какими они были на самом деле, и не те образы, которые предстают в письменном тексте, где исследователь может конструировать собственные «образы прошлого», переписывая его, сколько образы времени и истории, существующие в сознании историка. Рассматривая «историю историков», сравнивая культурную и социальную память в их соотношении с историей, философами ставятся новые проблемные вопросы о стратегиях исторического познания и зависимости от них тех исторических панорам, которые они конструируют.

Однако изучаемые вопросы о формировании древнерусского исторического сознания, о его особенностях и способах репрезентации не носили комплексного характера и оставались преимущественно в ведении той или иной группы специалистов, которые рассматривали их под своим исследовательским углом.

Событие, произошедшее в истории и получившее ту или иную оценку от очевидцев и современников, становится историческим. После его фиксации оно становится предметом для изучения. Причем зафиксировано оно может быть в разных формах, как письменных, так и устных. Позитивистская парадигма, долгое время господствовавшая в науке, предполагала достаточным наличие конкретного факта для его адекватного изучения и верной интерпретации. Но встают вопросы – а почему тот или иной факт был зафиксирован, что повлияло на его отбор? И как именно он был зафиксирован, а тем более интерпретирован? В связи с какими другими фактами, и почему именно с ними? А тот, кто его фиксировал, был очевидцем или только современником, а может быть не тем и не другим, и до него дошла информация через третьи руки, и по каким каналам, и сколько времени прошло? Эти и близкие к ним вопросы нуждаются в дальнейшем исследовании.

Теоретико-методологическая база исследования. В процессе исследования были учтены современные методы гуманитарного исследования. В данной работе используется герменевтический метод, в частности Э.Бетти, когда через различные смыслоносительные формы, в которых объективируется дух автора и репрезентируются заложенные им идеи, осуществляется переход к его пониманию как познанию заново и повторной реконструкции как сознательно выраженного, так и бессознательно заложенного имплицитного смысла.

Используется метод сравнительного анализа и историко-философской реконструкции, а также системный и междисциплинарный подходы. Важную методологическую роль выполняют принципы историзма и холизма.

Цель работы – выявить особенности древнерусского религиозно-исторического сознания, те способы, через которые они были репрезентированы, и, исходя из этого, определить круг тех идей, которые неявно влияли на философское осмысление исторического процесса древнерусскими интеллектуалами.

Для раскрытия этой цели необходимо решить ряд исследовательских **задач**:

1. Выявить взаимодействия различных историко-культурных менталитетов и порожденных ими идей как объективации духа на примере особенностей восприятия и осмысления пространственно-временных категорий в архаичных культурах, античности, раннем христианстве и патристике. Описать темпоральные и спатальные (пространственные) образы в мифе, греческой культуре и античной философии, текстах Ветхого и Нового Заветов, трудах апологетов, ранних Отцов Церкви и Византийских исторических произведениях.
2. Определить особенности восприятия, осмысления и понимания сущности исторического процесса в обозначенных выше культурно-исторических регионах и присущих их представителям феноменах мышления.
3. Проследить степень влияния выявленных идей на формирование и развитие древнерусского религиозного исторического сознания, какие семантико-семиотические структуры наличествовали в нем и как они проявлялись. Выявить «за-текст», а через него особенности сознания, его порождающие.
4. Рассмотреть не только особенности древнерусского религиозного сознания, без выявления которых мы не поймем сознания исторического, но и различные формы проявления этого сознания через порождаемые им идеи.
5. Раскрыть принцип организации идейной структуры древнерусского религиозного исторического сознания, а затем и структуру самого сознания, которую выявленный принцип организует.

Объект исследования – истоки древнерусской философии истории сквозь призму религиозно-исторического сознания и письменной культуры Древней Руси.

Предмет исследования - собственно древнерусское религиозно-историческое сознание, его самобытность и связь с общечеловеческими ментальными конструктами в данной области.

Источники работы - письменные тексты, а также архитектурно-иконографические памятники, через которые проявляются особенности изучаемого нами типа сознания. Их можно условно разделить на те, которыми пользуемся мы при изучении особенностей религиозного сознания и исторического самосознания представителей Древней Руси, и те, которыми пользовался собственно сам представитель изучаемого нами сознания, то

есть выявить условный круг чтения древнерусского летописца. Ясно, что в определенной степени они будут совпадать. Для изучения материала о мифах были взяты преимущественно основные мифы Средиземноморья в рамках «мифов народов мира». Античные источники представлены в основном трудами Платона, Аристотеля, Плотина, историческими произведениями Геродота и Фукидида.

Для изучения раннего христианства были использованы труды Тертуллиана, и Татиана, св. Иустина Философа, св. Феофила Антиохийского, св. Климента Александрийского, великих каппадокийцев, св. Августина. При исследовании Древней Руси самыми важными для нас были Повесть временных лет, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона, «Слово о полку Игореве», самые ранние списки Лаврентьевской, Ипатьевской и 1 Новгородской летописей, ряд поучений, проповедей и «слов», тексты апокрифов.

Научная новизна диссертационного исследования:

- применен междисциплинарный подход к исследованию истоков древнерусской философии истории сквозь призму религиозно-исторического сознания и методологический рефлексивный подход к изучению репрезентации особенностей этого сознания в тексте как процессу объективации смысла с целью его обратной реконструкции;

- реконструированы особенности восприятия и осмысления пространственно-временных структур в их связи с историей в мифе, античной и раннехристианской культуре с точки зрения взаимодействия различных историко-культурных менталитетов и порожденных ими философско-исторических идей как объективации духа;

- выявлено, что философский взгляд на исторический процесс, тесно связанный с представлением о времени, будучи инвариантным в разных культурах, зависел от типа той или иной ментальности, и заимствование различных образов и идей истории сопровождалось определенным изменением менталитета, вытеснением одних и принятием других логико-теоретических, мировоззренческих, и семантико-семиотических структур;

- установлено, что в философско-богословском осмыслении пространственно-временных образов и сущности исторического процесса интеллектуалами Древней Руси присутствуют особенности разных типов мышления, представленных как местной мифической традицией, так и пришедшим на Русь христианством, сосуществуя в одном сознании, причем ветхозаветный взгляд на историю доминировал над новозаветным;

- обосновано, что древнерусское религиозное сознание инкорпорировало историческое самосознание, объективируя одни и те же идеи в многообразных репрезентантах, причем взаимодействие различных идей демонстрирует взаимодействие и борьбу различных ментальных типов, с последующей трансформацией их семантико-семиотических структур;

- определено, что основными особенностями древнерусского религиозно-исторического сознания были соборность, софийность,

системность, символизм, каноничность, духовно-нравственная возвышенность и эстетизм, понятие в их специфически философском измерении.

Положения, выносимые на защиту:

1. Представления о времени и пространстве, равно как и о сущности исторического процесса, в любой культуре тесно связаны с общими мировоззренческими установками того или иного типа сознания, причем в рамках одной ментальности могут сосуществовать различные типы сознания, и, следовательно, разнообразные темпоральные и пространственные образы, наслаиваясь друга на друга и вбирая один в другой.
2. Древнерусские пространственно-временные и исторические представления, отраженные в письменных источниках, имея собственную мифологическую традицию, испытали на себе определенные влияния раннехристианской и византийской традиций, однако, древнерусские интеллектуалы, творчески переработав их, имели и свой оригинальный взгляд на исторический процесс вообще и собственную локальную историю в частности.
3. История для древнерусского религиозно-исторического сознания служила опосредованной библейскими архетипическими символично-аллегорическими структурами коммуникацией со сферой сакральной, божественной истории, а через нее с вечностью.
4. Интеллектуалы Древней Руси в типичной для восточнохристианского средневековья форме выражали самобытные сущностные идеи, с очевидной религиозной доминантой и явными этическими чертами. Одни и те же идеи, воплощаясь в различных репрезентантах, проявляли и в письменных текстах, и в архитектуре, и в иконописи схожую синкретическую семантико-семиотическую ментальную структуру.

Теоретическая значимость исследования. Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования состоит в выявлении особенностей древнерусского религиозно-исторического сознания и степени влияния на его формирование различных ментальных структур через мифологические, философские и религиозные идеи восточно-христианского мира. Положения и выводы диссертации могут использоваться в ходе дальнейшего исследования особенностей разнообразных ментальных структур, мировоззрения древнерусских книжников и представителей отечественной интеллектуальной элиты и философско-методологических подходов к их изучению.

Практическая значимость исследования.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке и чтении учебных курсов для студентов и аспирантов по

философии, истории философии, философии религии, философской антропологии, истории и философии науки, спецкурса по философским проблемам психологии, а также привлекаться при подготовке курсов культурологии, культурной антропологии и этики.

Апробация диссертационного исследования. Основные положения и результаты исследования получили отражение в пяти публикациях автора (в том числе в трех статьях, опубликованных в журналах, рекомендуемых ВАК МОиН), а также на научных чтениях МПГУ (2009, 2011). Диссертация обсуждалась на заседании кафедры философии Московского педагогического государственного университета и была рекомендована к защите.

Содержание и объем работы. Диссертация состоит из Введения, двух глав (включающих 7 параграфов – четыре параграфа в первой главе, и три параграфа во второй), Заключения и библиографии.

II. Основное содержание диссертации

В первой главе **«Особенности восприятия и осмысления пространственно-временной категории и сущности истории в мифе, античности и раннем христианстве»** сделана попытка философски осмыслить изменение представлений о структуре и образе времени и пространства в его соотносительности с историей в разных средиземноморских культурах (хотя определенное число сделанных выводов справедливо и для многих других мировых культур). Прослеживается определенная рефлексия данных категорий в традиционных обществах, античности и ранней патристике, причем исследовательской доминантой выступает христианство в период апологетов, так как здесь заложен тот базис, который, пройдя через византийскую культуру, будет подвержен рецепции в русском религиозном сознании периода Киевской и Удельной Руси. Этот же фактор определил и отбор материала, и его границы. Показано, как одна и та же категория может по-разному осмысляться на обыденном, мифическом, религиозном, философском и прочих уровнях.

В первом параграфе **«Структура хронотопа в архаических культурах»** делается вывод, что разные пространственно-временные образы, порождённые разными ментальными типами, взаимовлияют друг на друга и нередко сосуществуют в рамках одной культуры, причем одни и те же философские предпосылки могут приводить к диаметрально противоположным выводам. Представители архаических культур осмыслили темпоральную категорию в разных образах с довольно сложными структурами, но, как правило, в виде замкнутого круговорота одних и тех же событий. По их представлениям, все, что однажды случилось во времени, непременно повторится вновь. Было Время Оно, период блаженства, которое по разным причинам (в разных мифологических системах) нарушилось, появилась смерть, и вся жизнь человека направлена на то, чтобы вернуть себе это утраченное состояние. Мир будет уничтожен, однако вскоре все

равно возродится из пепла и все начнется сначала. Одни миры-эпохи будут приходить на смену другим. Мифическое время обратимо, прерывно, не единообразно и бесконечно, т.е. циклично. Пространство носит на себе все свойства времени и тесно связано с ним. Оно также не единообразно, прерывно, сюжетно, следует за героем и не знает «пустой» протяженности, бессмысленной бесконечности. Оно «живо», подвижно, и в определенной степени замкнуто на самом себе в пределах мифа.

Во втором параграфе **«Осмысление пространственно-временной категории в античной культуре»** проводится разбор особенностей античного хронотопа. Античная культура космически ориентирована, направлена на постижение вселенной в ее телесности. О Шпенглер говорил, что пространство и тело определяют античную душу. Космос мыслился в органичной связи с полисно-организованным социумом, и на пространственную гармонию распространялись общественно-значимые конституирующие черты. Античная философия отличала материальный «топос» от идеальной «хоры».

Время в античности далеко не всегда связывалось с историей, и было разным. Мифическому и эпическому времени присущи циклизм, сюжетность, прерывность и неоднородность. Историческое время не имело ретроспективной глубины. Греки жили настоящим, и сейчас для них было гораздо важнее вчера. Космический круговорот закручивал время в универсальную шарообразную структуру. Философски осмысливаемое время предельно абстрагировало его, превращала в измерительный инструмент, и в какой-то мере вырывало из сферы циклического детерминизма.

Пространство и время мыслятся всегда существующими, бесконечными, иерархичными, связанными с человеческим обществом. Политика и полис повлияли на осмысление этих категорий не многим меньше, чем миф и философия. Пространственно-временная «всегодашность» определенным образом социометрична, их связь с историей идет через родовую память и назидательные gesta.

В третьем параграфе **«Осмысление пространственно-временной категории в раннем христианстве»** демонстрируется, что христианство смещает многие акценты в восприятии пространственно-временной категории и вводит принципиально новые, ранее не мыслимые философско-богословские схемы. Так, время и пространство были сотворены, то есть «когда-то» их не было и будет такое состояние, когда их не будет, по крайней мере, в том виде, в котором они представляются и переживаются сейчас. Соответственно, они разделяются на сакральное и профанное, а связь с историей наделяет их определенным священным смыслом, когда это священное врывается в историю, как вечность во время.

Между Творцом и сотворенным Им миром лежит онтологическая пропасть, и поэтому время и пространство поюстороннего мира имеют признаки однородности, прямолинейности и конечности, то есть несоизмерны трансцендентному Богу.

Показывается, что все эти особенности не предстают сразу в «чистом» виде, а сосуществуют с другими типами сознания, борются и постепенно вытесняют из рамок одной историко-культурной ментальности семантико-семиотические структуры интеллектуальных конкурентов, что-то заимствуя от них. Борьба идей предстает в виде борьбы различных типов сознания, их порождающих, и не имеет однозначного результата.

В четвертом параграфе «**Особенности осмысления сущности истории в раннем христианстве**» выявляются сущностные актуальные особенности философского осмысления исторического процесса, прослеживаются динамика этих представлений от Ветхого к Новому Завету, от апологетики к ранней патристике и от нее к византийской философии истории. Делается вывод, что в христианстве история – это поле реализации божественного замысла. Весь мир божественной истории сопричастен человечеству.

История телеологична, то есть имеет цель, и цель эта лежит вне ее самой, то есть надисторична. В рамках земной истории происходят события, которые превосходят ее, как вечность превосходит время, и имеют иное онтологическое измерение. Она эсхатологична, апокалиптическая, и смотрит на все *sub specie mortis*.

История динамична, в ней сокрыта идея развития, прогресса и регресса. Очень много значит провиденциализм, который, правда, не имеет ничего общего с античным фатумом, так как опосредуется человеческой свободой.

В философском осмыслении исторического процесса ранним христианством большую роль играет каузальность, имеющая божественную природу и трансцендентное измерение. Бог пропускает историю через Себя, реагируя на поступки человека определенным образом.

Очень важен и тот факт, что история имеет морально-нравственное, этическое измерение. История связана с одной стороны с человеком, с другой стороны – с Богом, и сама является как связующей нитью, так и силовым полем, средой, в которой осуществляется встреча человека с Творцом.

Во второй главе **«Философско-методологические аспекты древнерусского религиозно-исторического сознания»** показано, что древнерусское религиозное сознание выражалось в различных формах – словесных (летописи, жития, поучения, проповеди и т.д.), архитектурных (храмы), живописных (иконы и фрески), которые являлись специфическими философскими репрезентантами. Письменный Текст неразрывно связан с этими формами. Умозрительные парадигмальные идеи, проявляясь в древнерусском религиозном сознании, воплощались в той или иной форме, имея конкретную, смыслообразующую функцию.

Также на страницах второй главы раскрывается использованная нами методика прочтения текстов и анализа полученных данных. Учитывая центонно-парафразную логику древнерусских текстов, можно сказать, что автор летописей дает только смысловые гипертекстовые ссылки, «проходя» по которым потенциальный читатель сразу выстраивал определенный

семиотико-синонимичный ряд, от которого затем переходил к ряду семантическому. Имея «набор» библейских сюжетов и героев, как правило, опосредованных «всемирной историей» византийской традиции, уже «понявшей» их по-своему и «переведшей» на славянский язык, древнерусский Автор начинает инкорпорировать их в свою, «местную» историю, вырисовывая историческую мозаику, подобно бриколажу, замеченному К. Леви-Стросом. Однако та модель интеллектуальной деятельности, которую мы находим у летописца, не аналогична бриколажу, так как он как раз делает это почти всегда осознанно, специально конструируя тот или иной образ. Выбирая из библейской истории различные архетипы, он составляет из них ткань произведения, а поскольку текст прочно слит с тем смыслом, который он репрезентирует (как дата, соответственно, с событием), то так называемая «память контекста», то есть «память» цитатой своего места и своего текстового окружения, естественным образом выведет адресата летописного Текста на символическую аналогию за-текста и смысловой авантекст. Авантекстом в данном случае будет называться новое видение Текста, так, как он предстает перед «понявшим» его во всей своей грандиозной символической-смысловой перспективе человеком. Нам необходимо увидеть в этом скрытом смысле объективацию духа летописца, чтобы понять вложенные им в те или иные репрезентанты значения как свои, произведя герменевтическое проживание заново.

В первом параграфе «Историческое время летописей и его связь с другими темпоральными образами древнерусской культуры» показано, что в древнерусском летописном Тексте присутствуют разные образы времени – мифического и эпико-былинного, особенно в ранней части, касающейся первых языческих князей, и зарождающегося «художественного». Однако все они побеждаются и ассимилируются библейским временем Священной истории и «всемирной истории» хронографов с сопутствующей им философской составляющей, временем, создающим им окружающую их вневременную бытийную среду и включающим в общую структуру письменного пространства сакрализованного языка.

Исследуется, насколько через индивидуальное сознание каждого конкретного автора, через его живую ментальность, будет проявляться общий менталитет всего историко-культурного региона, к которому он принадлежит, насколько через индивидуальное проступает коллективное, и степень его влияния (а также взаимовлияния, если речь идет о достаточно замкнутой интеллектуальной среде). Рассматривается, что в любом тексте будет от самого автора (неважно, будет ли он непосредственным «творцом» смыслов, их «организатором» или «компилятором»), что от доминирующего типа сознания, а что вообще от, выражаясь языком Юнга, архетипического бессознательного, а также как все эти моменты кодируются, шифруются в текстах, и как это можно «считать». Разбирается, только ли в Тексте

кодируются особенности этого сознания, и можно ли его понять, изучая только их.

Выявлено, что все приводимые в летописи цифры (числа, даты, измерения, стороны) глубоко символичны, причем этот символизм переносит на те или иные даты как символы свойство того, символом чего они являются. Вокруг них создается соответствующее сакральное семантико-семиотическое поле.

Время в Тексте постоянно продолжается, но это не кумулятивное хронологическое наращивание, а символически однородное, пластичное темпоральное течение жизни, где «после» не значит «лучше».

В древнерусских летописях временное дано в аспекте вечного, и путем символического сопоставления различных героев, событий и дат, посредством языковых формул-цитат происходит соприкосновение «местной» истории с границей истории «священной».

Различные типы сознания сосуществуют друг с другом, однако уже произошло выделение «ментальной доминанты», которая опосредует определенные темпоральные образы как части общей религиозной мировоззренческой структуры с его имманентной философской составляющей.

Во втором параграфе «**Историческое пространство древнерусских письменных источников**» сделаны выводы, что пространство древнерусского Текста связано со временем, и, равно как и время, имеет различные качественные особенности. В зависимости от того, какой ментальностью оно будет представлено, в какой форме выражаться – мифологической, сказочной, эпико-былинной или собственно летописной, будет меняться и его свойство.

Летописное пространство, с одной стороны, имеет сказочную легкость и отсутствие сопротивляемости, то есть герои при передвижении не чувствуют расстояний и рельефных трудностей пути, но, с другой стороны, – это конкретное пространство русской земли. Причем сама русская земля будет иметь конфессиональное измерение, пониматься как богоспасаемая территория.

Философское измерение данной категории выявляет, что в ней самой могут различаться «свои» и «не-свои» княжества, причем им будет противостоять внешняя «чужая», не-христианская земля. В описании пространства, или в пространстве как тексте можно видеть тот же символизм, который присущ описанию временной категории. Так, создаются некие смысловые пространства, которых в реальности нет, но за счет их упоминания русская земля сопоставляется с библейской, или расширяется до нее. Пространство русской земли / пространство как текст / пространство смысла – все это создавало некий семантический палимпсест, присущий и темпоральной категории. Сакральное пространство русской земли в летописях является проводником в пространство библейских земель и связующим звеном с ее священной историей.

В третьем параграфе «**Основные особенности древнерусского религиозно-исторического сознания и осмысление им сущности истории**» показано, что мир летописного Текста представляет собой синтез различных представлений, идей и картин мира, порожденных разными ментальностями, но все они подчинены одной господствующей христианской парадигме с соответствующей философской компонентой, опосредованы и выражены библейским языком. Здесь мы можем видеть и мифологические, и эпико-былинные, и даже сказочные структуры, отголоски, мотивы, но все они так или иначе связаны воедино и подчинены одной цели. Взаимодействие разных типов времени и пространственных образов порождают сложную мировоззренческую структуру, поддерживаемую древнерусским историческим сознанием и одновременно испытывающим ее определенное воздействие. Эта структура является элементом древнерусского религиозного сознания, и также испытывает его влияние, будучи его органичной частью. Поэтому имеет смысл говорить о некоем едином религиозно-историческом сознании, когда мы выделяем для себя исследование его исторической составляющей, как можно говорить о религиозно-культурном, религиозно-социальном, религиозно-правовом и т.д.

Сделаны выводы, что основными особенностями изучаемого нами типа сознания были *соборность, софийность, системность, символизм, каноничность, духовно-нравственная возвышенность и эстетизм*, взятые в их специфически-философском понимании.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования и делаются необходимые выводы. Философская рефлексия пространство-временной категории дала множество инвариантов ее применения. «Голые», предельно рационализированные и абстрагированные время и пространство не будут полностью адекватны отображению исторического процесса, жизненно-конкретного, субъективного, то есть всегда лично переживаемого. Конкретное пространство, попав на страницы Текста, могло изменяться, претерпевать различные интеллектуально-идеологические метаморфозы, становясь смысловым палимпсестом. По-разному понимаемое время, став временем историческим, с одной стороны – текучим *вместе* с человеческим обществом и *в* нем, с другой стороны, остановившимся, замершим на конкретной дате, получает в христианстве смысл только в связи с божественной вечностью, тем самым объединяя и трансцендируя все, с чем оно соотносится.

Высказывается мысль о том, что мифическое, эпико-былинное восприятие истории было ближе человеку, нежели предельно рационализированное, по-научному выхолощенное, лишенное субъектности, а значит витальности. Сакральный смысл истории, тот, который она получила в христианстве, наполнял ее божественным присутствием, делал ее полем для реализации божественного замысла. История в христианстве, по сравнению с античностью, становится значимым пространством, связанным с вечностью, потому что сама Вечность вошла в мир и освятила его. Миф с его

вечным возвращением не мог придать ей ту значимость и драматическую насыщенность, которую она получала в однонаправленном христианском измерении.

Древнерусская культура, объединяя и собственное мифически-былинное бытие, сопряженное по форме с общечеловеческими ментальными конструктами в данной области, и христианскую религиозно-символическую парадигмальность, смысловую значимость и сакральность священной истории, не будучи оригинальной по *репрезентативной конфигурации*, имела собственный философский *сущностный взгляд* на исторический процесс. Религиозно-историческое сознание Древней Руси выражалось в общепринятых для средневековья письменных формах, принимало как свои общехристианские мотивы и идеи, творчески адаптировало их к местным условиям. Однако сущностно история играла для него особую по сравнению с восточно-христианским миром роль связующего пространства со сферой проявления божественного.

Для западноевропейской и Византийской цивилизации, бывшей Римской ойкумены, во многом было естественно и характерно продолжать библейские события, делать события священной истории своей собственной предысторией. Им не обязательно было прокладывать эту связь сугубо в истории, они могли это сделать в пространстве и времени. Русь имела возможность приобщиться к этим благам только через исторические параллели и смысловые философско-богословские аппликации. Соединяясь с всемирной историей, древнерусское религиозно-историческое сознание стремилось через нее связаться с библейской священной историей, быть ближе к Богу, проявившему Свое присутствие в конкретном историческом моменте.

Пространство и время древнерусского Текста имеют сакральную насыщенность, их проявление значимо для летописца и его потенциального читателя, их связь с историей священна, потому что лежит в этой плоскости и через нее проявляется. Даже мифические и былинные персонажи получают библейскую соразмерность, через них говорит совершенно другой ментальный тип. Мы знаем, что миф умирает в сказке, но это характерно для культуры, а не для сознания. В сознании он продолжает жить, сохраняя, часто подсознательно, форму, но иногда изменяясь в содержании.

Для мифа история является связующим материалом блестящего прошлого, которое одновременно является ожидаемым будущим, с ним же самим, при всей условности этих понятий, для «телесной» античности история – это цепь событий, в общем недостойных для запоминания, за назидательно-дидактическим исключением, для ветхозаветной религии история – это душа их культуры, сфера реализации божественного, для христианства – это путь в небеса. Разумеется, это обобщенные метафоры, но в них мы можем увидеть отличие от восприятия истории древнерусской культурой, чье религиозно-историческое сознание видело в ней связь с божественной вечностью, и обосновывала собственную богоизбранность на

философско-богословских основаниях. Получив доступ к священной истории, став христианской землей, Древняя Русь именно через историю связывала себя под пером летописца с Центром мира и именно в ней определяла границы богоспасаемого мира. Эти мысли и идеи не были уникально-историческими или уникально-философскими, выраженными только в Тексте, они были присущи всей древнерусской культуре во всем репрезентативном многообразии выражения ее имплицитной философской компоненты.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Филиппов А.В. Специфика осмысления сущности истории в философии раннего христианства. // Российский научный журнал. Рязань: «Полиграфия», 2011. № 3. С. 77-83. 0,5 п. л.
2. Филиппов А.В. Особенности восприятия темпоральной категории в архаических культурах, античности и ранней патристике // Преподаватель XXI век. – М.: «Прометей», 2011. № 4. С. 207-214. 0,5 п. л.
3. Филиппов А.В. Древнерусское религиозно-историческое сознание в герменевтическом аспекте // Теория и практика общественного развития. [Электронный ресурс]. 2012. № 2. Философские науки. ISSN 1815-4964. Режим доступа: URL: <http://teoria-practica.ru/-2-2012/philosophy/filippov.pdf>. 0,5 п. л.
4. Филиппов А.В. Особенности осмысления сущности истории в христианской апологетике. // Социогуманитарные науки: XXI век: Сборник научных трудов. Выпуск III. – М.: «Спутник +», 2010. С. 186–189. 0,3 п. л.
5. Филиппов А.В. Диалектика взаимоотношения представлений об историческом времени в античности и раннем христианстве // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов кафедры философии МПГУ. Выпуск XLIV. – М.: «Экон-Информ», 2011. С. 262 – 270. 0,4 п. л.

Всего по теме диссертации автором опубликовано 5 работ общим объемом 2,2 п. л.

